

НАША СТРАНА

Editor-Director
VSEVOLOD DUBROWSKY
Casilla de Correo 2847
Buenos Aires

Argentina

ОСНОВАНА И. Л. СОЛОНЕВИЧЕМ

"NUESTRO PAÍS"

SEMANARIO MONARQUICO RUSO

Registro Nacional de Propiedad Intelectual № 523.142

Correo
Central B.
Argentina

FRANQUEO PAGADO
Concesión № 4233

INTERES GENERAL
Concesión № 3930

AÑO IX

Buenos Aires, Jueves, 11 de abril de 1957

Буэнос Айрес, четверг,

11-го апреля 1957 г.

№ 377

Д-р А. К.

О ДОКТРИНАХ И ДОКТРИНАХ

Внешняя и внутренняя политика СССР имеет два основных аспекта:

1. Идеологический (в смысле коммунистического освоения мира) и II. великодержавный, как и всякое великое государство, в силу моментов geopolитических, национальных интересов, исторических факторов развития и т. д. В советском понимании момент этот, положим, не имеет значения национально-органической великороджавности, ставя своей конечной целью защиту не исконных интересов нации и страны, как таковых, а "bastiona мировой революции" — СССР.

В мировой политике СССР над всеми другими моментами доминирует идеологическая часть (мировая революция), и политика эта предстоит современному миру в ее несомненно империалистической сущности. Этот идеологически-империалистический момент был чужд и органически противен исконной политике Национальной России. Что касается последней, то исконными нашими интересами мы, конечно, жертвовать не собираемся, ни сейчас, ни в будущем. Но эти наши законные интересы не равнозначащи с мировым марксистским империализмом, носителем какового является современный СССР, что, конечно, никоим образом к политике бывшей и будущей Национальной России относиться никак не может. Тем не менее, западные демократические лидеры упорно и злонамеренно ставят знак равенства между ними.

События в Египте и Венгрии имеют двойное значение. Первое — как показатель истинной сущности внутренней (Венгрия), и внешней (Египет) политики СССР, а второе — как несомненного "мemento mori" для свободного мира. В этом свете, действия САСШ на Среднем Востоке и получают свое оправдание, как противостояние мировому коммунизму. Мы бы, конечно, предпочли, чтобы этот антикоммунизм проявился более ясно и в иных сферах мировой политики лидера свободного мира САСШ, как-то и прежде всего — в сфере моральной. Без морального содержания действия эти имеют империалистический аспект, значительно более того, что имел в виду г-н Генри Лодж, представитель САСШ, выступая в ООН с "обличением" "тридцатилетнего империализма русских царей на Среднем Востоке", каковой он беззастенчиво и приравнивает к современно му коммунистическому империализму. Мы же полагаем, даже имея в виду

тот же несомненный коммунистический империализм, что не только это причина вполне справедливых требований арабского мира. Этому миру несомненно пришло время порвать цепи рабства, в которых он находился у мировых демократий. И для борьбы против этого рабства арабы будут покупать оружие у кого угодно, даже у Никиты Хрущева и Ко.

Во время прошлой войны, министр пропаганды III Рейха предсказал, что Средний Восток будет сферой интересов САСШ. Русская же история не знает ни одного акта в духе того, о чем так бесцеремонно и безответственно заявляет г-н Лодж. А что касается г-на Геббельса, то мы полагаем, что его культурный и умственный багаж, был кажется немного выше такового г-на Лоджа, ибо немцы, хотя и прибегали ко лжи в их пропаганде, но до такой лжи не опускались. И если немцы и проголосовали безо всяких уверток территориальный империализм и откровенно перли в "восточные пространства", то и в роли мировых защитников обездоленных и порабощенных народов не выступали, и ядом слащавой и отвратительной лжи не торговали.

Розенберговские доктрины утверждали в русском народе ограниченность рабства и любовь к страданиям... Теперь вот демократические доктрины типа господ ачессонов и достойных учеников его — генри лоджей, уверяют, что русский народ "органически империалистичен". Получается несомненная неувязка: с одной стороны — рабство, а с другой — империализм... — ?

То, что русский чарод страдал на протяжении всей своей истории — спорить не приходится. Эти страдания причинялись нам всевозможными "недоктринерами" с Востока, и несомненными "доктринерами" с Запада. Западное доктринерство вот уже сорок лет, как заковало русский народ в цепи марксистской доктрины. Нас и не удивляет выступление розенберговских доктринеров: немцы наши исторические враги, и они же, помимо того, а также и вследствие того, и хронические козлы отпущения в мировой истории... Но, что касается доктринеров типа генри лоджей, то нас удивляет то, что они выступают от имени САСШ, т. е. той молодой страны, которой Национальная Россия и Российские Императоры всячески и всемерно благожелательствовали и помогали на протяжении всей 150-летней молодой их государственности. Это — исторические факты, и забывать их не следует, так же, как и наследовать чью бы то ни было историю в прошлом, настоящем или будущем — как мы то нынче видим, и не только пред лицом закованного в цепи западного доктринерства русского народа в СССР, но также и Российской Зарубежья, которое или непосредственно принимало участие в защите европейской культуры в двух мировых войнах, или же является потомками этих защитников, сыне обездоленных и горючих пред лицом торжествующего зла. Помимо этих исторических моментов, мы бы еще хотели напомнить г-ну Генри Лоджу об элементарном приличии и чести, имея в виду, что дело идет об истории поверженного в плах, и закованного в цепи коммунистического рабства Русского народа (не без помощи тех же господ лоджей), которого легко обливать помоями, ибо у него, кроме долготерпеливого и все еще молчашего Господа Бога, иного защитника нет.

RADIO DEL ESTADO

870 килоцикло.

НА ПЕРВЫЙ ДЕНЬ СВ. ПАСХИ

21 апреля с. г.
от 18 до 19 час.

Дирекция Фирмы "ТРОЙКА"
устраивает

СПЕЦИАЛЬНУЮ

РАДИО - ПЕРЕДАЧУ

1. СВЕТЛАЯ ЗАУТРЕНИЯ
в исполнении хора Жарова

2. ПАСХАЛЬНОЕ ПРИВЕТСТВИЕ
ПРЕОСВЯЩЕННЕЙШЕГО
АФАНАСИЯ,

Епископа Буэнос-Айресского,
Аргентинского и Парагвайского

3. ПАСХАЛЬНЫЙ КОНЦЕРТ
в исполнении хора Жарова

Это тот народ, который имел все шансы сбросить с себя рабство коммунизма, но ни кто иной, как президент САСШ Рузвельт, продал свободу этого народа на кровавом Ялтинском свидании. И если бы этого не случилось, то теперь в ООН сидели бы не кровавые представители мирового коммунизма, а Национальная Россия. Как видно, последнее в планы американского президента не входило, в противном случае господа лоджи не посмели бы открыть рот для изрыгания хулы на христианский, православный народ и его историю. Президент Рузвельт прекрасно знал известное выражение Сталина, что "когда погибает один человек — это трагедия, когда же погибают миллионы — то это всего лишь статистика". Российские люди ложились миллионами во имя общего демократического фронта, и никто иной, как Русский народ, сломал хребет германского империализма, как в I-ой, так и во II-ой Мировых войнах. В 1917-18 годах, в награду за русскую кровь, Россия получила Керенского, Ленина и Троцкого и коммунистическое рабство в России было введено в исторический ранг, а Русский народ отдан окончательно и навсегда на кровавый произвол красной демократии. Эта кровавая сделка была закреплена президентом Рузвельтом в 1943-45 годах. И мировой демократический паук оплел окончательно мир паутиной лжи, и цепко захватил своими лапами все мировые рычаги...

Надежда всех обездоленных людей и порабощенных народов, а, в частности и особенно, — Русского, не на демократических президентов и господ лоджей. Мы надеемся в первую очередь и прежде всего, на органические и исконные нравственные и исторические силы Русского народа, а во-вторых — на ту часть человечества, которая еще и несмотря на все пропаганды мирового зла, не потеряла страха Божия и человеческое лицо. Таковые люди подспудно имеются во всем мире, а также и в САСШ, где недавно половина сенаторов и народа возмущенно протестовали против приглашения в САСШ заведомого убийцы и коммуниста Тито. Те же американские сенаторы и добрые патриоты ставили перед сенатом вопрос об уголовной ответственности Г. Трумана за все его "чудачества", которые он совершил за время его пребывания в Белом Доме. Президенту Айзенхаузеру надлежит помнить, что и он обязан таковой же ответственностью перед избранным его народом. Таковой же ответственностью перед Богом и законами обязан и г-н Лодж, который этого кажется понять не может органически, в силу его нравственного и духовного убожества. Тоже господа "короновали" не так давно исторической короной Российских Императоров американскую девицу на конкурсе красоты пред лицом обездоленного Русского Зарубежья и Русского народа по ту сторону Железного Завесы. Эта корона — священная собственность национальной, ныне похищенной и проданной Сталиным за кровавые доллары американского банкирского дома Якова Шиффа. Помимо всего прочего, в уголовном праве это квалифицируется, как скупка и укрытие краденого. И теперь, в кровавую и мрачную годовщину этого грабежа, радио-станция "Голос Америки" слажово вещает по всему миру годовщину "великой и бескровной" Февральской революции, когда, как то значится в статье опубликованной в "Нью-Йорк Таймс" от 11 марта 1917 года, "русская демократия утвердила..."

40 лет спустя после этого события, г-н Генри Лодж заявляет в ООН, что "звезда Советов в Венгрии совершил

но в духе традиции русских царей", а теперь вот он же добавляет, что и на Среднем Востоке политика СССР "продолжает традиционный российский империализм". Одновременно президент САСШ ген. Айзенхаузер приглашает в Вашингтон палача югославского народа и коммуниста Тито, и пр. и пр., а господа подпевалы из "Института по изучению СССР" в Мюнхене заявляют довольно, что "русский народ порабощен социально и политически (в смысле политических свобод), но государственно он даже прогрессирует, тогда как все остальные народы СССР порабощены социально, политически и государственно". (г-н Ф. С. Гаенко — см. VIII Конференцию Института):

Язык наш не поворачивается сказать: прости им, Господи, ибо не ведают, что творят... От 11 марта 1917 и по сей день, через все творимое господами лоджами и Ко проходит кровавая нить, связывающая в единую цепь злоумышленния все акты мировой политики. Это — кровавая вакханалия, красный хоровод, в котором пляшут в бессовском верчении "женевский гражданин" Руссо в обнимку с товарищем Сталиным. И в результате полмира залиты кровью порабощенных мировым коммунизмом народов, а другие полмира — продавшие душу и свободное слово свое за демократические черепки. И то, что не поддается прямой бессовской силе — покупается за доллары. А остатки человеческого, духовного и Божеского вытравляются из сознания людей невиданной доселе по своей организованности, систематичности и сплоченности страшной мировой машины лжи, начиная от "свободного волеизъявления народов", и кончая выступлениями всевозможных господ лоджей на мировой трибуне.

Кончая горькие рассуждения наши, нам бы хотелось напомнить, как органически и мудро, и без широковещательных "доктрин Айзенхаузера" (тут нам невольно вспоминаются и другие, не менее остроумные "доктрины...") решен колониальный вопрос в сфере того мира, на который современные демократические доктринеры систематически "вешают всех собак" и не щадят слов самой площадной ругани. Мы имеем в виду пример Национальной Испании и мудрый акт ее вождя ген. Франко, который из некогда колониального Испанского Марокко, сумел просто и без мировой рекламы, создать не только свободное государство, но также союзников и друзей. Это та Национальная Испания, и тот ген. Франко, которых "свободный мир" с времен гражданской войны 1936 и по сю пору, всячески дискриминировал и систематично

В НОМЕРЕ:

Д-р А. К.
О ДОКТРИНАХ И ДОКТРИНАХ

Александра Воронцова
ЗАПИСКИ ПЕРЕВОДЧИЦЫ

СОРОКАЛЕТИЕ ФЕВРАЛЯ

ПОЛИТИЧЕСКАЯ ХРОНИКА

Л. Башкирова
НЕПОСРАМЛЕННОЕ УПОВАНИЕ
(Пасхальный рассказ)

REBELIОН EN POZNAN

Политическая Хроника

Б. Р. ГЕРШЕЛЬМАН

Нам пишут из Нью-Йорка:

После долгой и мучительной болезни, здесь скончался известный монархический деятель, бывший председатель Обще-Российского Монархического Объединения в Нью-Йорке, Борис Робертович Гершельман.

В молодости, до Первой Мировой войны, покойный был товарищем прокурора Варшавского окружного суда. После войны и революции, он вернулся в Варшаву, как эмигрант, и принял деятельное участие в жизни тамошних русских эмигрантских организаций. В 1922 году польское правительство выслало из Польши в Данциг нескольких русских эмигрантов, обвиненных в "монархическом заговоре". В числе высланных был и Б. Р. Гершельман, который остался в Данциге до Второй Мировой войны, продолжая участвовать в русской общественной и политической жизни.

Будучи по своим взглядам убежденным легитимистом, Б. Р. Гершельман в Данциге и после Второй Мировой войны — в Нью-Йорке был активным членом местных русских монархических организаций. Когда в Нью-Йорке было основано Обще-Российское Монархическое Объединение, ныне возглавляемое Н. Н. Чухновым, он стал одним из его учредителей и первым председателем.

АМЕРИКАНСКИЙ КОМИТЕТ

Нам пишут из Нью-Йорка:

Американский Комитет, получивший четыре года тому назад, при своем основании, название Американского Комитета Освобождения Народов России, а затем изменивший это первоначальное название и именовавший себя Американским Комитетом Освобождения от Большевизма, ныне, во второй раз, переменил название и будет впредь называться Американским Комитетом Освобождения.

В Доме Свободной России в Нью-Йорке состоялось информационное собрание, устроенное Американским Комитетом по соглашению с председателем Северо-Американского отдела Совета Русского За рубежного Всемирного конгресса полк. С. Н. Яснинским. Во время этого собрания представителями Американского Комитета

тета была продемонстрирована одна из программ радиостанции "Освобождение" на русском языке и показан фильм на английском языке, объясняющий цель и методы работы Комитета.

После передачи состоялись прения, в которых собравшиеся представители многих русских организаций в Нью-Йорке единодушно указали на недостатки и недочеты высказанной программы. Некоторые из участников съезда приветствовали решение Американского Комитета ознакомить русскую эмиграцию с содержанием передач станции "Освобождение", но указали, что контакту между русской эмиграцией и редакцией названных передач препятствует принадлежность к редакции лиц, относящихся к русской эмиграции с нескрываемой враждебностью, как, например, г. Шуб, или даже принимавших в прошлом, как Р. Гуль, участие в советских репатриационных кампаниях.

ЗАЯВЛЕНИЕ М. Е. ВЕЙНБАУМА

Нам пишут из Нью-Йорка:

Редактор газеты "Новое Русское Слово" М. Е. Вейнбаум опубликовал в этой газете заявление, в котором он указывает, что не примет участия в созываемом редакцией журнала "Посев" Конгрессе за Права и Свободу в России.

М. Е. Вейнбаум сообщает, что приехавший в Соединенные Штаты из Европы представитель организационного комитета этого Конгресса Л. А. Рар вел с ним переговоры об его участии в Конгрессе, но эти переговоры не были закончены и включение имени М. Е. Вейнбаума в число участников Конгресса было для него полной неожиданностью.

ПОМОЩЬ БЕЖЕНЦАМ В ЮГОСЛАВИИ

Нам пишут из Нью-Йорка:

"Нью-Йорк Таймс" сообщает, что правительство Соединенных Штатов ассигновало 4 миллиона долларов на перевозку находящихся ныне в Югославии беженцев из Венгрии в другие страны. Число этих беженцев исчисляется в 20 тысяч человек. По сведениям "Нью-Йорк Таймс" до сих пор только 317 человек из этих 20 тысяч получили возможность выехать из Югославии в другие государства свободного мира.

**

"Наша Страна" выражает надежду, что эта широкая помощь американско-

го правительства, оказанная находящимся в Югославии венграм, коснется также находящихся ныне в Югославии русских участников Венгерского освободительного восстания.

НОВАЯ "БОЛДЫРЕВЩИНА"

Нам пишут из Нью-Йорка:

Широко распространенный американский журнал "Саттердей Ивнинг Пост" напечатал статью своего редактора Д. Беса о радио-пропаганде, сопровождавшей в октябре и ноябре 1956 года венгерское освободительное восстание.

В этой статье Бес отрицает участие "Голоса Америки" и станции "Свободная Европа" в передачах, обещавших восставшим венграм помочь Запада. По словам Беса, эти передачи исходили от советских радиостанций в Восточной Германии и в самой Венгрии, т. е. были передачами провокационными, рассчитанными на создание предлога и оправдания для советского вооруженного вмешательства во внутренние дела Венгрии. Такая же — вольная или невольная — услуга советской пропаганде была оказана, по словам Беса, действующей из Западной Германии радиостанцией НТС (франкфуртская фракция социалистов), руководимая Артемовым, Околовичем, Поремским и Островским-Романовым.

"Самыми безответственными, — пишет Бес, — были передачи группы русских эмигрантов, известной под именем НТС (солидаристов). Эта группа пользовалась в течение нескольких лет передвижной передаточной радио-аппаратурой в Западной Германии. До октября 1956 года передачи производились только на русском и на немецком языках, но в ночь с 29-го на 30-е октября передача была произведена на венгерском языке. Этот день был одним из самых критических дней в Будапеште, ибо, как будто, в этот день начался вывод советских танков из города. Русские эмигранты выбрали этот критический момент для того, чтобы передать по радио обращение, якобы исходившее от некоего чрезвычайного советского союза бывших чинов венгерской армии. В обращении к командованию венгерских повстанцев содержалось приглашение прислать на западную границу Венгрии представителей для установления связи с вооруженными эмигрантами. В этом же обращении содержалось заявление, что каждый член союза бывших чинов венгерской армии готов по-

ПЯТАЯ ВСТРЕЧА ЛИТЕРАТОРОВ С ЧИТАТЕЛЯМИ

состоится в воскресенье 14 апреля, в 5,30 часов вечера, в Доме Русских Белых (Карлос Кальво 2851).

В ПРОГРАММЕ ВСТРЕЧИ:

1) Анатолий Бор: поэма "Свет Разума".

2) Валентина Краснова: "Воскрепления чаем" и другие стихи.

3) Михаил Бойков: "Необъяснимое" и "Воистину!" (из книги "Рассказы о чудесном").

4) Мария Шелехова-Бенке: Стихи.

5) Даль: Стихи.

Читают авторы и артисты А. М. Лучинский.

Вход свободный.

ВНИМАНИЮ г.г. ПОДПИСЧИКОВ!

Ввиду полной невозможности справляться с текущей работой и острой необходимости сокращения расходов, контора газеты должна отказаться от принятой нами системы подтверждения получения подписной платы в форме писем и ограничиться в будущем лишь соответствующим изменением цифры, поставленной красными чернилами на бандероли каждого номера газеты. Мы очень просим г.г. подписчиков внимательно следить за этими цифрами, указывающими срок окончания подписки и в случае какой-либо неточностивещать контору газеты немедленно.

Вышеизложенное не касается наших подписчиков во Франции и в Бразилии, где учет подписной платы ведется представителями Редакции.

жертвовать жизнью и пролить свою кровь за святое дело народной свободы".

"Эта лживая передача, — пишет Бес, — как бы подтвердила сработанные в Москве "доказательства" вооруженной интервенции, подготавливавшейся Западом".

интересовавших моего спутника, всецело занятого своей пропагандой.

Во время нашей дальнейшей поездки по Риму у него не было случая со мной разговаривать и он только мне издал приветливо улыбался.

При осмотре Собора Св. Петра спросил меня, для чего служат "деревянные коробочки", расположенные в разных местах Собора?

Я пояснила, что это исповедальни, и обратила его внимание на надписи на разных языках для указания иностранным паломникам, где находится священник, который может принять исповедь на языке любого паломника.

— Ловко это попы придумали! У нас в России таких коробочек не строят! А есть коробочка с попом, говорящим по-русски?

— Есть одна исповедальня. Может спросить, где она.

— Не стоит. А русские эмигранты (в первый раз он о них заговорил) ходят сюда попу грехи свои докладывать?

— Большинство русских эмигрантов в Риме — православные, — поспешила я ему пояснить, раз он ими заинтересовался! — У них своя церковь, ибо в Италии полная свобода для всех религий. Поэтому они там у своего батюшки исповедываются. Но русские католики могут сюда приходить на исповедь.

— Лев Абрамович, — подозвал Михаил Васильевич одного из туристов — высокого, худого, очкастого еврея, — не хочешь ли ты попробовать найти русскую коробочку и попу рассказать, сколько нагрел?

Я спросила, кто этот Лев Абрамович?

— Это наш знаменитый писатель Лев Кассиль. Вам надо с ним познакомиться! (О моем знакомстве и беседах с писателем Л. А. Кассилем напишу в другой раз).

Беседуя с другими туристами, мы закончили осмотр собора и поехали на нашем пульмане в ресторан, где нас ждал прекрасный обед.

В большом зале были накрыты свыше ста столиков на 4 человека каждый.

Александра Воронцова

Записки переводчицы

2. РАБОТНИК АГИТ.-ПРОП. ОТДЕЛА ЦК КПСС

Среди многочисленных туристов, с которыми мне приходилось беседовать, сопровождая их экскурсии по Италии, мне запомнился один резко отличавшийся от других по своим со мной разговорам. Когда его группа осматривала Ватиканские музеи и я переводила дословно слова итальянского гида, похожий и серьезный турист спросил, может ли гид рассказывать по-французски и на его утвердительный ответ заявил: "Наш групповод хорошо говорит по-французски, пусть он вас сменит и даст вам отдохнуть. Игорь, скажи гиду, что он должен говорить по-французски и переводи сам, а наша милая Шура тогда отдохнет".

Когда групповод меня сменил, то я поблагодарила моего собеседника за внимание. Он предложил мне сесть с ним на диванчик в той зале, которую проходила наша экскурсия, и поболтать с ним.

— Но тогда вы не сможете слушать гида и смотреть картины, — возразила я.

— Меня, Шура, в Италии больше интересуют люди, чем картины, — ответил турист.

— Вы ведь студентка; расскажите мне лучше о студенчестве: из каких групп населения они набираются? Платят ли за ученье? Получают ли стипендии? Обеспечены ли приезжие студенты общежитиями? Я же вам расскажу, как они обставлены у нас.

Отвечая на вопросы моего спутника (мы остались сидеть, когда экскурсия ушла уже в другой соседний зал), я заметила, что он ведет явную пропаганду, восхваляя заботы советской власти о студентах. Михаил Васильевич К. (он мне дал свое имя и московский домашний адрес) заметил:

— Нахожу, что наши итальянские товарищи делают большую ошибку, пренебрегая работой со студентами. Вот у нас при Царе большевики вели большую работу среди студентов и из них вербовали те кадры, которые в 1905 и в 1917 г. подняли народ на революцию.

Вы, конечно, знаете, что все почты наши вожди, как Ленин, Свердлов, Фрунзе, Каганович и другие, стали членами нашей партии, когда были студентами. В первый год революции все руководящие посты были заняты, даже в армии, — твердыми и образованными большевиками из бывших студентов-подпольщиков. Вот об этом должен подумать ЦК вашей партии.

Я воспользовалась этим, чтобы спросить его, не был ли он сам таким студентом-подпольщиком, ибо поняла, что это видный партиец.

— Нет, милая Шура, — ответил он, смеясь, — я моложе: я родился в 1898 году и в подполье не работал. Но в партии я состою с 1921 года и поэтому, кроме своей зарплаты, получаю особую пенсию, которую получает в СССР всякий коммунист, пробывший в партии беспрерывно 30 лет без взысканий со стороны партии.

Затем он начал мне читать настоящую лекцию о заботах партии и правительства по улучшению жизни рабочих. Я, конечно, не могла запомнить приводимые Михаилом Васильевичем цифры населения Москвы, размеров жилплощади, количества вновь построенных после войны домов и отведенных для населения квартир. Прослушав эту скучную лекцию, я заметила, что нам пора присоединиться к экскурсии и мне снова приступить к обязанностям переводчицы.

Мы нагнали экскурсию, которая уже заканчивала обход Ватиканских залов, не

СОРОКАЛЕТИЕ ФЕВРАЛЯ

СОБРАНИЕ ПО СЛУЧАЮ 40-Й ГОДОВЩИНЫ
РОССИЙСКОЙ НАЦИОНАЛЬНОЙ КАТАСТРОФЫ
ВЫНУЖДЕННОГО ОТРЕЧЕНИЯ ОТ ПРЕСТОЛА
ГОСУДАРЯ ИМПЕРАТОРА НИКОЛАЯ АЛЕКСАНДРОВИЧА

Проф. Др. Ф. Вербицкий

“ГЕРОИ ФЕВРАЛЯ” О САМИХ СЕБЕ

Роковой для русского народа февраль 1917-го года пришел не сам по себе, как все другие февралы до него и после него. На протяжении многих лет о нем “заботились” и за страх и за совесть иноземные враги Великой Державы Российской, которым стояла по-перек дороги наша могучая страна с царями, которых нельзя было ни купить, ни соблазнить; он подготовлялся отечественными “патриотами”, вольно или невольно лившими воду на мельницу надвигавшихся с Запада поветрий: еще

100 лет тому назад “неистовый Виссарион” Белинский требовал “тысячу голов для утверждения социализма в России” и кумир “Брешко-Брешковских”, “Кусковых” и других “бабушек” и “тетушек” русской революции — А. Герцен — вопил на весь мир: “Что выйдет из этой крови, кто знает? Но что бы ни вышло, довольно, что в этом разгаре бешенства, мести, раздора, возмездия погибнет мир, теснящий нового человека, мешающий возвращаться будущему, и это — прекрасно, а, потому, да здравствует хаос, разрушение и да возвращается будущее!” Наиболее просвещенный Западом Бакунин велел: “Россия есть цель революции. Ее наибольшая сила там развернется и там достигнет своего совершенства. Высоко и прекрасно взойдет в Москве со звезды революции из моря крови и огня и станет путеводной звездой (недостает только “пятиконечной”) для всего освобожденного человечества”.

Не мало было и других, вскормленных Западом “глашатеев правды”, особенно — среди “передовых” писателей и профессоров, пользовавшихся при царском режиме истинной академической свободой.

К “кузнецам Советского рая” тянутся нити от февраля 1917 года, причем, для “возвращения будущего” и “восхождения звезды в Москве” “новому чело веку” потребовались, кроме предвозве-

щеных предтечами коммунизма “бешенства, мести, раздора”, и “моря крови и огня”, еще океаны более мелких “достижений революции”: лжи, клеветы, террористических актов и разных иных вредительств.

Этим оружием, да помощью иноземных союзников, удалось творцам Февраля в годину тяжких испытаний, выпавших на долю русского народа, вырвать у царского правительства власть; ту власть, которую наши цари на протяжении веков умели не только бережно хранить в своих руках, но с помощью ее успели из небольшого Московского Царства создать Великую Империю, которую считали друзья, которой боялись враги и с которой считалась весь мир.

Неожиданно для всех, и, больше всего, для самих “героев Февраля”, с переходом этой власти в их руки получился большой конфуз: “освободители от царского гнета” не смогли и ОДНОГО ГОДА удержать ее в своих руках!

Чего же им недоставало: твердости в ногах? Крепости в руках или мудрости в голове?

Ведь устами Гучкова и Шульгины они заверили Государя, что за их спиной стоит весь русский народ; делами Обще-Земского Союза, Военно-Промышленного Комитета и других народов на власти они утверждали, что блестящие справляются со всеми теми задачами, которые не под силу царскому правительству; об их мудрости кричали стенограммы Государственной Думы с искусствами “палками в колеса” во все благие правительственные начинания; об этом свидетельствовали “государственные акты” вроде пресловутого “Выборгского воззвания”, в котором народ призывался “не платить податей и не давать рекрутов для защиты Отечества”; об этом весьма красноречиво говорили их “передовые” толстые и тонкие журналы, газеты и тайные и явные пасквили, подрывавшие корни того Российского Дуба, желудями которого они сами питались...

И после всего этого баффальства — буквально в одну ночь, как мыльный пузырь, лопнуло то, что стоило “моря крови и огня”. У творцов Февраля не оказалось: ни твердой почвы под ногами, ни крепости в руках, ни даже того, что требуется в голове для просто полезного творчества.

Так как почитатели Февраля не устают упрекать нас, не признающих февральских “достижений”, в пристрастии, то на сей раз я буду пользоваться при оценке “героев и достижений” Февраля исключительно показаниями и документами их собственных вождей. К счастью для истории в их “историях”, записках и мемуарах, оставленных в наследие потомству, среди самовосхвалений содержится не мало и настоящих фактов, освещающих их плодотворную для большевиков, но не для Родины, деятельность.

Особенного внимания заслуживает статья В. Д. Набокова, помещенная в издаваемом видным “освободителем” И. Гессеном “Архиве Русской Революции”.

Этот беспристрастный отчет о деятельности и действиях тех дней имеет большое значение: и потому, что автор справедливо считался одним из наиболее дальних и авторитетных людей в стане творцов Февраля; и потому, что его показания, как человека всю жизнь вращавшегося в области права и правды (сын министра юстиции царских времен; сам — юрист и профессор уголовного права), являются особенно ценными; и потому, что имея по своей службе в Государственной Канцелярии известный опыт в тех требованиях, которые должны быть предъявлены государственному деятелю, он лучше других мог разбираться в этих вопросах; и, самое главное — потому, что по должности Управляющего Делами Временного Правительства он находился в постоянном и тесном — деловом и личном — общении со всеми главными “героями” Февральского переворота.

Не безынтересно напомнить, что именно ему принадлежит крылатая фраза, сказанная с трибуны Государственной Думы по адресу царских министров: “власть исполнительная да покорится власти законодательной!”

Тем с большим правом мы можем ожидать от него разъяснений: каким образом добытая с такими жертвами “власть исполнительная” так быстро очутилась, по словам Ленина, “на улице”, где она была подбрана большее-

виками, и почему столь ценимая творцами Февраля “власть законодательная”, грубо выражаясь, “ни за понюшку табаку” была уступлена Совету Рабочих и Солдатских Депутатов, едва ли сведущих в писании законов.

Галерею портретов, написанных в красочных мазках Набоковым, начнем с единодушно выдвинутого на пост возглавителя правительства кн. Г. Е. Львова.

Набоков называет его (к сожалению с досадным запозданием!) “воплощением пассивности”: “он сидел на козлах и даже не пробовал сбить вожжи...” и “не только ничего не сделал, но и не пытался сделать для противодействия разложению”...

Знаменосец Февраля Милюков характеризует кн. Львова картинной обывательской кличкой: “шляпа”.

В положении министра внутренних дел в этой обстановке, требующей быстроты и решительности в мероприятиях, он, по словам Милюкова: “угнетен и растерян” и чистосердечно признается ген. А. Н. Куропаткину: “мы теперь как щепкиносимся на волнах”...

О том, что эта растерянность и безволие не явились следствием сложной обстановки, а были присущи кн. Львову и раньше, (о чем не могли не знать выдвигавшие его сотрудники), ярко свидетельствует предыдущая его деятельность в роли председателя Общественных Организаций.

.....

Вторая “звезда”, неожиданно ярко вспыхнувшая на горизонте революции это — А. Ф. Керенский.

Повидимому, для самих творцов Февраля остается не вполне понятным: каким образом всплыл на поверхность этот человек, о котором Набоков пишет:

“Во всяком случае ни в нем самом, ни в том, что приходилось о нем слышать, не только не было ничего дающего хоть отдаленную возможность предположить будущую его роль, но вообще не было никаких данных, останавливающих внимание”...

До некоторой степени это разъясняет Милюков, называющий Керенского “величайшим несчастьем для русской революции”: “он (Керенский) умел себя навязывать во-время”.

Эта наглость, мягко названная Милюковым “навязывание”, по довольно наивному признанию его, имела полный успех: “мы не знали только”, — пишет Милюков: — “что из привычки это ста-

Нас ведь было около 450 туристов, 12 гидов, 12 переводчиков, с полдюжины советских сотрудников посольства и турпредства, прикомандированных к экскурсии и с полдюжины руководителей нашего туристического Агентства.

Михаил Васильевич просил меня сесть с ним за один столик, куда хотел пригласить для меня двух интересных “знаменитостей”: Льва Кассиля и архитектора Евгения Викторовича Вучетича, автора памятника советским воинам в Берлине. Они оба сказали мне несколько слов и извинились, что условились сесть за другие столики. С нами села археолог Исторического музея в Москве Нина Петровна Сорокина, видимо ухаживавшая по личным соображениям за этим влиятельным партийцем, который мог ей пригодиться в Москве.

Итак за нашим столиком оказалось пустое место, но Михаил Васильевич ни кого не пригласил.

За обедом он рассказал мне о себе: Он — работник Агит.-Проп. Отдела ЦК КПСС, помимо партийной “пенсии” получает оклад в 1.200 рублей в месяц. Семья состоит из него, жены и двух дочек: старшая — Ирина, студентка Геологического факультета, получающая стипендию в 600 рублей, и младшая — Светлана, которая еще учится в средней школе — десятилетке. У них квартира в центре Москвы (он мне дал свой домашний адрес) в три комнаты с кухней и газовой плитой, но без ванны. За трехнедельную поездку на “Победе” от Одессы до Кронштадта он заплатил 3.600 рублей, включая сюда и поездку в специальном поезде из Москвы до Одессы и обратную поездку поездом из Ленинграда в Москву.

Михаил Васильевич мне сказал, что он не в первый раз заграницей. Ему пришлось побывать в партийных командах в Югославии и Швеции. Я поняла, что и на этот раз он командирован партией, а не катается по Европе в качестве простого туриста. Этим объясняется полное отсутствие у него интереса к природе, истории, искусству

тех стран, которые он посещает, и стремление беседовать со мной только на политические темы.

Во время обеда он спросил, что пишут итальянские газеты об их экскурсии. Я ответила, что коммунистическая печать перечисляет среди туристов известных поэтов, писателей, художников и артистов, говорит об их талантах и успехах, а антикоммунистическая печать подчеркивает, что среди туристов только хорошо зарабатывающие высшие слои коммунистического общества и называет этих туристов “новой сталинской буржуазией”.

Он несколько смущился и сказал мне, что среди них 14 рабочих и работниц с Московского завода “Каучук”, но согласился со мной, что это не очень большой процент на 450 туристов.

Желая вывести его из смущения, Нина Петровна Сорокина стала мне говорить о себе: ей 34 года, она и ее муж работают археологами в Москве, имеют хорошую квартиру. Она беспартийная, но убежденная безбожница. Их единственная девочка даже не слыхала, что есть Бог. Летом она с мужем ездит на археологические раскопки в Крым, а зимой оба работают в Историческом Музее на Красной Площади.

В конце обеда Михаил Васильевич снова заговорил со мной о безработице в Италии, о неизбежных при капитализме экономических кризисах и о процветании рабочих в СССР. Я поняла, почему и Кассиль и Вучетич не захотели с нами обедать за нашим столиком. Им было бы скучно слушать, как этот партийный работник даже за обедом продолжает “обрабатывать” наивную на его взгляд переводчицу. Я сказала, что меня интересует не был рабочих столичных заводов, находящихся в приватизированном положении, а колхозников. Желая меня поразить, он заявил, что его семья в прошлом году проводила лето в деревне у колхозника, который имел даже телевизор. Я поняла, что он попросту врет.

Поднявшись из-за стола, мы снова поехали по городу и осматривали другие достопримечательности. Я по громкоговорителю передавала по-русски слова гида и с Михаилом Васильевичем больше не говорила. Когда мы подъехали к Капитолию, молодежь с групповодом поднялась по лестнице на холм. Но Михаил Васильевич заявил, что устал и просил меня пойти с ним выпить пива, пригласив с нами нашего шоффера. Тот радостно согласился и мы пошли в пивную недалеко от площади “Венеция”, где стоял наш пульман. Он через меня расспрашивал шоффера, как ему живется, сколько зарабатывает и доволен ли жизнью? Удивился, что шоффер не жаловался на жизнь и заявил, что он не коммунист и голосовал на выборах за демо-христиан. Обозлившись, Михаил Васильевич мне сказал:

— У нас в СССР арестовали бы такого дурака-шоффера, что бросил свой пульман и пошел пить пиво с иностранцами!

— Но ведь с пульманом ничего не может случиться и никто его на людной площади не угонит, — заметила я.

— Все равно, — зло сказал Михаил Васильевич, — раз шоффер доверили пульман, да еще послали с иностранцами ездить по столице, он не имеет права оставлять машину и принимать угощение от иностранцев. У нас — большевиков — такой распущенности среди московских водителей нет! Они пьют пиво после работы.

Я потом передала эти слова шофферу и он не хуже меня почувствовал изнанку советского рая, о котором нам говорил этот недалекий при всем своем партстаже работник ЦК.

К вечеру мы вернулись на вокзал, где до ужина оставался еще “свободный час” для покупок туристов. Михаил Васильевич и тут меня не оставил, а попросил пойти с ним купить очки от солнца, сказав, что их в СССР не продают, хотя летом солнце бывает ослепительно ярким. Затем мы купили ему вечернюю газету и я ему перевела ста-

тью о туристах. Я купила сувениры для его дочерей, а он поднес мне на память советский двугривенный, два альбомчика с видами Москвы и Сталинграда и коробку папирос “Богатырь”. Затем он просил меня показать новое Римское метро, которое начинается от вокзала. При виде его оборудования он признал, что технически метро новее московского, где ток подается сверху по проводам, а в Риме — по рельсам. Пока мы ехали на метро, он обратил внимание на обнимавшиеся и целовавшиеся в парочки. Я объяснила ему, что в эти вечерние часы влюбленные часто пользуются метром для своих укромных прогулок. Он опять сказал, что в Москве их бы вывели из метро и оштрафовали. Затем, когда мы сходили с метро, неожиданно добавил:

— Так обниматься не серьезно, конечно, но должно быть очень приятно! — и попытался меня обнять. Я отстриглась и заметила ему:

— Вот, видите, в Москве шофферы не пьют пива с туристами, а у нас переводчицы с ними не обнимаются. Теперь решите сами: где серьезнее отношение к туристам тех, кто по долгу службы с ними работает: в советской Москве или на буржуазном развратном Западе?

Он сразу смущился и стал говорить, что я ему напомнила его... дочь и он видит во мне очень серьезную студентку и просит не думать о легкомыслии советских туристов.

— Даже, если это работники ЦК? — спросила я с улыбкой.

Он еще больше смущился и просил об этом никому не говорить.

За ужином я села за другой стол и до конца длившейся еще сутки экскурсии по Неаполю и Капри он больше не пытался меня просвещать. Я тоже была довольна, что смогла побеседовать с другими, не менее интересными, типами советских туристов, которых представлю читателям в следующих моих статьях. Александра Воронцова

ло системой, и мне пришлось самому создать для него новый плацдарм, привлекая его занять пост министра юстиции..."

Бедная юстиция! Бедная Россия при таких "мудрых" правителях! Едва ли этот жест делает честь государственному уму Милюкова и всему революционному синклиту, о чем с похвальным чистосердечием пишет и Набоков:

"Если он (Керенский) действительно был героем первых месяцев революции, то этим самым произнесен достаточно резкий приговор этой революции". В дальнейшем Набоков приводит весьма убедительные факты, подтверждающие это мнение:

"То, что он (Керенский) говорил в Москве (на важнейшем государственном совещании) не было спокойной веской речью государственного человека, а простым истерическим воплем пси хопата, обуянного манией величия..." "Он наговорил такой чепухи, которую пришлось тщательно вытравлять из сте нограммы".

Хорош "бессознательный психопат"!.. Но не лучше и "государственные мужи", идущие у него на поводу!

Третьим "винтом" Февральской революции, с дьявольским остервенением работавшим на ниспровержение государственного строя, был А. И. Гучков,

Принадлежа к умеренному крылу оппозиции (партии Октябрьстов), он работал в чуждой ему во многих отношениях компании, и не столько по идеологическим побуждениям, сколько по какой-то фанатической ненависти к Государю: "низложение Государа", пишет о Гучкове Милюков, надеявшийся видеть в нем "сильную власть", "было для него венцом его карьеры".

Свою "патриотическую" деятельность в положении военного министра он начал трусливым запрещением передать войскам прощальное "Обращение" Государя, проникнутое святым самопожертвованием и горячей любовью к Родине.

Как только было удовлетворено вдохновлявшее его злобное чувство, он сразу выдохся и, отрезвев, раньше других увидел открывшуюся перед "победителями" безду.

"Махнув рукой на окончательный исход", пишет о нем дальше Набоков, "он сдавал одну позицию за другой" и в конце концов докатился до пущенного при нем в жизнь Приказа № 1, окончательно разрушившего тело и дух армии.

Из других "персонажей", всплывших на поверхность на волнах революции, большое внимание Набоков уделяет М. И. Терещенко и Н. В. Некрасову.

Первый — безвестный до того чиновник особых поручений при директоре Императорских Театров, известный раньше только своими тугими набитыми, благодаря трудам и поту дедов, карманами, стал заметен во время войны в возглавляемом Гучковым Военно-Промышленном комитете, где он выдвинулся не столько своей работой, сколько готовностью участвовать в заговоре против Государя.

В роли министра финансов Терещенко "прославился" выпуском знаменитого "Займа Свободы", обеспеченного, как писалось на нем: "всем достоянием русского народа".

Хотя это достояние и в те дни было еще весьма велико, но так как к тому времени русский народ уже начал просривать: в каких руках находится его достояние и сама свобода, то заем с треском провалился.

Пришлось заменить его "простынями" из "Керенок", обеспеченными личностью успевшего уже прочно "навязать себя" "главно-очковитателя" Керенского. Когда и это не помогло, должно быть, в виде утешения незадачливому министру финансов Терещенко поручается министерство иностранных дел.

Усвоив сразу дух этого поста, Терещенко, по свидетельству Набокова: "хотел всех надуть"...

Однако, то, что не удалось ему в положении министра финансов, не удалось и на посту министра иностранных дел. и, по словам Набокова, он имел некоторый успех только "в разговорах", которыми "ограничивалась международная политика тех дней".

В конечном результате, "вся государственная деятельность" Терещенко свелась к нулю.

Выдвинувшийся так же неожиданно, как и Терещенко, Некрасов, в описании Набокова представляет типичный продукт революции, делающий карье-

ру, не считаясь ни с какими моральными обязательствами.

Вполне понятно, что обладатель таких "ценностей" впоследствии пришелся ко двору большевикам.

Более бледной, но весьма подходящей для революционных дней фигуры, является министр торговли и промышленности А. И. Коновалов.

Происходя из богатого семейства "капиталистических акул", (как ныне величают их большевики) играющего в социалистов, он, как и Некрасов, не считаясь с моралью, быстро меняет вехи и, приспособляясь к обстановке, затыкает своей особой все нужные прорехи.

Мало заметной прошла деятельность министра народного просвещения А. А. Мануйлова, которого Набоков называет "какой-то тусклой фигурой".

Столь же бесцветной была и деятельность В. Н. Львова в роли обер-прокурора Святейшего Синода. По свидетельству Набокова, "он поражал своей наивностью, да еще каким-то невероятно легкомысленным отношением к делу". Не удивительно, что после этого Набоков сомневается: "оставила ли его деятельность какие-либо следы в ведомстве православного исповедания".

К сожалению, как известно, она оставила заметный и весьма печальный след в провокационном выступлении Керенского против Корнилова, где, по мнению расследовавших дело юристов, он (Львов) "явился виновником трагического хода событий. ("Нов. Рус. Сл." 1956 г. 28 окт.), а показания его называют: "наверняка не вполне достоверны".

Не удивительно, что и этот "деятель" нашел себе применение у большевиков.

Далеко не на должной высоте оказался и не лишенный положительных черт министр финансов (после Терещенко) А. И. Шингарев (по профессии земский врач).

Набоков называет его "провинциальным интеллигентом" и приписывает ему "губернский или уездный масштаб".

Еще меньше можно было ожидать от государственного контролера И. В. Год

ева, на котором в описании Набокова: "лежала печать самой простодушной обывательщины, глубочайшего пропагандизма, что-то в высшей степени наивное и ограниченное"...

Слова похвалы Набоков находит только для Милюкова, с которым его связывали старые дружеские отношения... Для Милюкова, который не погнушался использовать трибуны Государственной Думы для клеветы на Государыню: "историческая речь", отозвался о ней честный враг царского правительства — В. Бурцев: "но вся она полна лжи!" Того Милюкова, который не проявил нужной твердости ни в недопущении запломбированного вагона с разратителями русского народа (что ставит ему в вину и сам Набоков), ни в ряде других судьбоносных вопросов. Того Милюкова, который в этой сложной ответственной обстановке пост министра юстиции отдает проходимцу Керенскому лишь для того, чтобы отделаться от него навязываний.

Жуткими призраками промелькнули в истории русского народа эти "рассыпавшиеся Чичиковы", как называл их Розанов: "за 10 месяцев промотали они все, что князья Киевские, цари Московские и Императоры Всероссийские из капливали и скопили за тысячу лет".

"Вам нужны великие потрясения, нам нужна Великая Россия", сказал П. А. Столыпин с трибуны Государственной Думы и, бросив в ответ на обращенные к нему угрозы штурмовавших власть творцов Февраля крылатую фразу: "Не запугаете!" — отдал беспрепятственно свою жизнью Великой России.

Только после его смерти смогли эти мелкие честолюбцы и себялюбцы, используя тяжелое положение Родины во время войны, вызвать "великие потрясения", нужные им для того, чтобы в этом хаосе вырвать власть у законного Государя. Будь он жив, не свершилась бы "февральская бессмыслица" (по определению С. Франка), задним числом названная небезызвестным "освободителем" — П. Б. Струве "всего больше глупостью", — и не видать бы народиям на государственных деятелей тех министерских кресел, в которые сели они ложью и насилием.

Проф. Др. Ф. Вербицкий

ЗАРУБЕЖНОЕ РОССИЙСКОЕ НАЦИОНАЛЬНОЕ ЕДИНЕНИЕ (ФРАНЦИЯ)

В 40-ю годовщину трагедии России Зарубежное Российское Национальное Единение в Париже устроило 16-го марта с. г. большое открытое собрание "Не примиримости к Февралю".

Но сначала несколько слов о самом Единении. Идея положить в Париже на чало подобному Единению имеет уже минимум двухлетнюю давность. Уже на страницах "Политического Вестника", в № 1, 2, 3 и 4 (1954 г.) в статьях Петра Леснова: "Другой путь" и "Что же дальше?" намечалась еще не в совсем ясных очертаниях эта идея. К концу 1956 года уже назрела явная необходимость приступить к ее оформлению. Работа в этом отношении ведется без излишней спешки, с большой осмотрительностью, придерживаясь старой русской народной мудрости: "Семь раз отмерь, один раз отрежь". Ее ведет "Временный Комитет", состоящий из представителей трех звуковых организаций: два — от Парижского Отдела НДМ, два — от Корпуса Имп. Армии и Флота (Округа имени Е. И. В. Б. Княжны Марии Владимировны) и один — от Имперского Союза (Франция).

Пока что выработаны и утверждены Временным Комитетом "Основные положения" З.Р.Н. Единения. В дальнейшем предстоит еще немалый труд по выработке многих технических деталей самой организации. Вырабатывая "Основные положения" З.Р.Н. Единения, Временный Комитет ставил перед собой следующую главную цель: выделить идею Русской Монархии Православной, Самодержавной и Народной из ряда идей партийного характера и поднять ее на уровень Российской Национальной Идеи — основной идеи Российской Национализма, чем она в сущности и является. А посему и главным лозунгом нашим являются слова И. Л. Соловьевича: "Россия будет Монархией, или России не будет никакой!"

Несмотря на то, что еще не закончен труд по оформлению организации З.Р.Н. Единения, оно уже нашло возможность приступить к совместной практической работе. В декабре 1956 г. им было устроено большое открытое собрание, посвященное памяти Госуда-

реоза нетленных ценностей" — либерально-демократической конституцией. Октябрь, детище Февраля, выявил эту ложь во всей ее полной и неприкрытой сущности, чем оказал "медвежью услугу" своему "папаше Февралю".

Следующим докладчиком был И. Н. Владимиров (Пар. Отд. НМД). В своем блестящем докладе, докладчик с присущим ему красноречием рассказал о том, как "Международные и наши лжекультурные силы, как факторы революции" шли в остервенелую атаку против России и ее самобытной и самоцветной сущности. Свой богато иллюстрированный историческими примерами доклад, оратор закончил призывом сплотиться вокруг Вел. Князя Владимира Кирилловича.

Последним докладчиком был В. М. Михайлов (Пар. Отд. НМД) — "Детище Февраля — Октябрь". В своем докладе В. М. Михайлов доказал, что "Октябрь" является вполне нами заслуженным Божиим наказанием за "Февраль", который есть ни что иное, как великое клятвопреступление с нашей стороны. Изменив и предав после него нашего Государя, мы тем самым нарушили ту великую клятву, которую принесли наши предки в 1613 году на верность Дому Романовых за себя и за все потомство. Закончил докладчик молитвой: "Спаси Господи люди Твоя и благослови достояние Твое, победы благоверному Государю нашему и Великому Князю Владимиру Кирилловичу на сопротивные даря, и Твое сохраняя Крестом Твоим жительство".

После краткого заключительного слова А. П. Заустинского, резюмировавшего основные выводы нашего выступления, собрание было закрыто.

Публика, заполнившая зал Консерватории, очень тепло приветствовала всех докладчиков, очень часто прерывая их дружескими аплодисментами, особенно при каждом упоминании Августейшего Имени Великого Князя Владимира Кирилловича и в местах, где ораторы подчеркивали непримиримость к Февралю, роковой дате начала трагических страданий России.

РОЗЫСКИ

Объявления о розысках родных и знакомых принимаются непосредственно редакцией "Нашей Страны" и ее представителями на местах. Стоимость объявления, помещенного в трех последовательных номерах, 2 дол. в валюте соответствующей страны. Для Аргентины — из расчета 1 дол. равен 20 песо арг.

Мария Ивановна Цеклианская разыскивает Всеволода Константиновича Христо-Феодората из Одессы. Сведения о нем просят направлять по адресу:

I. Tsecklinskaya. Poste Restante. Asuncion. Paraguay.

Павлика Шрамко из Краснодара просит откликнуться его друг Серж Д. Лиц, что либо о нем знающих, просят направлять сведения в редакцию газеты "Наша Страна".

Сестры разыскивают Александру Владимировну Волкову с сыном Мстиславом Васильевичем Волковым из Владивостока. В 1936 году они проживали в СССР, в гор. Тула, на Пионерской ул. Сведения просят направлять по адресу редакции газеты "Наша Страна".

С. А. Александрова разыскивает брата, полковника Николая Андреевича Степанова, окончившего Первый Кадетский Корпус и Константиновское Артиллерийское Училище в 1911 или 1912 г. г. в Петербурге, а также знакомых: братьев Кудрявцевых, Авенира, Андрея и Ивана Ивановичей из г. Черкассы Киевской губ. Знающих что либо о судьбе этих лиц, убедительно просят сообщить по адресу:

Mrs. S. Alexandrov, 511 West 39-th St., Apt. 12, New York 31, N. Y., USA.

Конторы газеты "Наша Страна" очень просят г.г. подписчиков, имеющих возможность внести подписную плату за полгода или за год вперед, сделать это незамедлительно.

Это значительно облегчит те затруднения материального характера, с которыми связан выпуск каждого номера.

Л. Башкирова

ПАСХАЛЬНЫЙ РАССКАЗ

НЕПОСРАМЛЕННОЕ УПОВАНИЕ

Мне же еже прилеплятися Богу благо есть, полагати во Господа упование спасения моего...

Сельцо Спасо-Ольховское, что на речонке Егозихе, давно уже утратило начальную, благочестивую часть своего имени. Еще первое десятилетие после революции даже ответственные партийные работники сбивались на привычное, благолепное имя, в котором был какой-то ладный размер, но со временем и старшее поколение, и, в особенности, подрастающий молодняк, стали употреблять новое кущое название — Ольховское. Да ничто, действительно, и не напоминало больше о недавнем благочестивом прошлом, не сиял крест на куполе над селом, не раздавался колокольный звон с разоренной звонницей, да и самые двери храма оставались плотно заколоченными, после того, как последний священник, о. Имен, был арестован и должен был навеки покинуть родные места...

Впрочем, даже и в таком виде названия подвергалось критике, — “необразованность и отсталость одна”, говорили комсомольцы, а которые поретив, так предлагали даже и вовсе изменить имя и “сделать егоозвучным эпохе”, но большинство коренных наследников только угрюмо отмачивалось на такие предложения, не вступая в открытые спрекания. Привыкли они к старому наименованию: повелось оно с древних времен, когда имена давались не на срок, лишь бы угодить какому-нибудь модному вождю, да и всяко было ясно, откуда оно взялось: речка Егозиха издали прямо утопала в густом ольшанике. Причудливыми изгибами змелилась речка между лугами и лесами и холмами и на недолгом пути ее, по излучинам, и тут, и там, хоронились деревеньки.

Меток и наблюдателен русский народ и остер на язык: речушка, действительно, была из егозливых — лучшего названия и не придумаешь. Половинила она Ольховское на две неравных части: на левую, более густо заселенную по уходящему вверх взорю, и правую, четко ограниченную и втиснутую в луку крутого заворота Егозихи. Обе половины общались по лаве — балке, перекинутой через речку в самом узком месте; мост же находился за пределами села, на большой дороге. Как водится, почитай, вся деревня была или родственники в той или иной степени, или, по крайней мере, свойственники.

Поздним вечером, когда и подгорная и надгорная часть казались в темноте стаей воробушков, прикурнувших по обочинам шумливой — и в потьмах — Егозихи, редко где виднелся свет.

Стояла изба на краю села, в подгорной части, у самого берега, тянулись к ней еще оголенные — по зиме — ветви ольхи, будто хотели склонить чуть лучившийся в окошке огонек от недоброго глаза: будто знали, что огонек тот и вправду надо скрывать, огонек от лампадки, что теплится перед иконами в красном углу. Лежала Фотинья на скрипучей кровати, смотрела на тихий огонек, вспоминала прошлое. Иной раз впадала в забытье, потом опять приходила в себя, молилась. Чувствовала, что кончина ее приближается и шептала про себя: “Как же это так, без покаяния, без причастия. Господи, помоги!” Знала она, что скоро Пасха, ранняя в этом году, и в первый раз в жизни с горечью думала о приближающемся празднике: не было сил добраться до города, где еще оставалась на кладбище незакрытая церковь, а ближе не было священника.

И вспомнилась ей та далекая, первая заутреня, к которой вела ее много лет тому назад матушка. Незабываемая заутреня, частица которой до сих пор жива в ее душе, то непостижимое ощущение, когда ей на минуту показалось — то ли ангелы спустились на землю и возвещают о Воскресении, то ли она вознесена на небо и там ликует со всей тварью в эту Великую ночь. Каким светом, неприкосновенным сохранилось это воспоминание в ее душе, если и теперь, добрых полвека спустя, навертываются слезы на глаза при одной мысли о той заутрене! А ведь на скользких пасхальных службах была она потом, но ни одна не может затмить той первой, самой яркой. Дальше встает затейливый клубок воспоминаний, кар-

тины гонят одна другую как облака на небе в ветреный день. Ярче других вспоминается Фотинье как она совсем молодой незамужней девушки ходила на богомолье за 200 верст. Дело было весной, вышла она вместе с другими богомольцами с таким расчетом, чтобы попасть в монастырь на Троицу — престольный праздник. Шли медленно из-за старух, с ночевками в деревнях при дороге, с остановками в полночь в перелесках. Солнце ласково грело, бывало, что и дождиком брызгало, а дорога все вилась вперед и вперед, мягкая, как ковер, покрывая легким налетом пыли босые ноги. Кулилась после дождя распаренная земля сизым дымком, дух от нее шел сладкий и терпкий, как от свежеспеченно-го ржаного хлеба. Почки уже лопнули и свежая, упругая зелень так и брызнула из них и расцветила каждое дерево и каждый кустик. Ясные цветники пестрели по обочинам дороги, манили в заливные луга, в легкие перелески. Нежно вызванивала кукушка свои бесконечные переливы и каждая птаха раздавалась птичками, как ей Бог на душу положил. И вместе со всем радовалась и душа Фотиньи — было ей от пору 17 лет, и на богомолье пошла она не спроста. Была у нее одна давнишняя, заветная мечта. Хоронила ее глубоко в сердце, никому не выдавала. А пришли в монастырь, так и совсем возликовала душа ее — как будто попала к себе домой: ласковое благолепие приняло ее как родную. И незаметно выставила она длинные, уставные службы, слушала затейливое пение, видела, как стекался народ со всей губернии, а то и со всей России, в монастырь; всякий народ: и простые, как она, и богатые и знатные. Видела, что каждый тянется к монастырю, как к свету и каждый уносит в душе своей кусочек света.

Причасталась она на самую Троицу, когда был храм — как зеленая роща, через какие часто проходила она по дороге. Шелестели нежные березки молодыми листиками, стояли чинно, как иницианцы, а с пола шел густой дух, как в сенокос, от покрывавшей его травы. Все иконы утопали в цветах, густые венки вились по колоннам и все стояли с цветами и ветками в руках. И когда возглашал юный канонарх, тоненький послушник, ломкий, чистым как сребряная струя голосом, то казалось, что звук исходит из одной из стройных березок, за которыми прятался клирос.

На Духов День пошли они к химнику, в отдаленную келейку, в одиночестве на горе между пчельниками и березами. Вышел к ним батюшка, ласково благословил всех, спросил откуда они и хотел уже уходить, да тут Фотинья набралась храбрости, совсем вплотную подошла к деревянному нижнему частоколу, за которым стоял батюшка и сказала, что хочет его о чем-то спросить.

“Ну, спрашивай”, — ласково разрешил он и она робко вымолвила:

“Благословите, батюшка, из мира уйти, в обитель бы мне...”

Долгим, испытующим взглядом посмотрел на нее батюшка, а потом задумался. Скользнул его взгляд по протертой тропинке, по которой они пришли из монастыря, и дальше — как будто видел он по какому-то пути пойдет она в будущем и сказал наконец:

“Как имя твое, девонька?”
“Фотинья”, — еле слышно прошептала она и неотрывно смотрела на него, который должен был вымолвить решающее слово.

“Фотинья, ну и свети миру в мире, — наставительно сказал батюшка, — ищи ты какая светленькая!”
И благословил ее отдельно, крупным, размашистым крестом. И тот же час покорилась она этому решению, хоть и жаль было расставаться с заветной мечтой, а не было тогда грусти на сердце. Грусть пришла потом, когда надо было уходить из обители. Теперь уже не шла она впереди всех своей легкой походкой, распевая как пташка деньской, а плелась самой последней и, пока виден был монастырь, подолгу остановливаясь, прикрывая глаза ладонью и смотрела назад, как будто на всю жизнь хотела наглядеться...

На первой ночевке долго не могла она заснуть и вышла из душной гор-

ницы в свежий, росистый вечер. Села на крылечке и задумалась и не заметила, как тихонько открылась за ней дверь и кто-то опустился рядом с ней в темноте.

“Не спится, доченька”, — спросил ее низкий, грудной голос и по нему узнала она Агафью Афанасьевну, одну из самых богатых и уважаемых старух с нагорной стороны.

“Да”, — робко протянула она.

Агафья Афанасьевна тяжело вздохнула:

“И мне не спится, но только мои такие годы, а тебе бы спать да спать. Должно, притомилась за день-то”.

“Нет”, Агафья Афанасьевна, — тихо ответила Фотинья, — “я не устала”.
Обе помолчали.

“Вот вернемся домой”, — ласково проговорила Агафья Афанасьевна, — “выберешь минутку — приходи ко мне, дам тебе хорошую книжку почитать, душеспасительную”.

Так началась длительная и трогательная дружба между молоденькой Фотиньей и пожилой и важной Агафьей Афанасьевной. Многому научилась от нее Фотинья: читать по церковно-славянски и понимать сущность прочитанного, проникать в самую глубь Православия и любить его и ничего не начинать без молитвы. Вскоре стала она частым гостем в богатой избе на горе, познакомилась и подружилась со всеми ее обитателями. Тут же повстречала она и судьбу свою: приглянулась единственному сыну Агафьи Афанасьевны — Сергею, тихому, немного болезненному, некрасивому, но благообразному парню. Болел он на ноги с детства и, как раз с горькими слезами рассказала Агафья Афанасьевна Фотинье: “Не иначе, как за то болел, что была я в молодости первой плясуньей на деревне, вот Бог и покарал единственное чадо за грехи родителей...”

Пожалела его Фотинья, а там и полюбила, крепко, на всю жизнь. Повенчали их на Красную Горку, переехала Фотинья в обширную избу и так вошла в уклад, как будто и век там жила. Стала ей Агафья Афанасьевна ближе родной матери и с Сергеем жили они душа в душу. Двух сыновей послал им Господь, успела их еще Агафья Афанасьевна понять перед смертью: Антипа, старшего, и Харитона, светловолосого, нежного как девочка, так что дразнили его мальчишки на селе “Харитиной”. А потом и хозяин умер и осталась Фотинья еще молодой вдовой с сынишками-малолетками. Сватались к ней женихи и хорошие, да не лежало у нее сердце ни к кому; так и осталась она вдовой. Росли сыновья и радовали ее; с измальства водила она их в церковь, учila молитвам, старалась быть одинаково строгой к обоим, а вот поди; был ей Харитон больше люб и поэтому всегда к нему была строже, не хотела, чтобы Антипа знал. А сыновья были разные не только по наружности, даже за братьев их не принимали — Антипа, темный, смуглый как цыган, непоседливый, “весь в леда”, в Антипа Лександровича, отца Сергея”, говорили старики про него, а Харитон, ласковый и тихий, со светлыми кольцами на лбу — вылитая мать.

Пошли оба брата в школу и учились хорошо. Антип даже немного лучше, чем Харитона; про того учителя говорили “больно тихой, а иной раз задумается, прямо не докличешься”. Пробовала Фотинья спрашивать его, о чем он думает, но ясного ответа не получила. Зато уж в шалостях он никогда замечен не был, а вот Антипушка был первым верховодом во всяких проказах. Между собой братья жили хорошо, дружно; пожалуй Антип немного презирал младшего, ну да это часто бывает со старшими братьями.

Заветной мечтой Фотиньи было, чтобы один из сыновей принял сан; в самой глубине души думала она, что Харитона мог бы даже иноком стать, но никогда ни ему, ни никому другому этой мысли не поверяла. Хоронила ее, зато часто наставляла Антипушку, чтобы он хорошо учился, наставников слушал, а будет способен на науку — попытает его дальше учиться. Верила она, что хорошему научат ее чад наставники. В простоте сердца своего верила она, что всякая наука приближает к Богу и что ученые люди, те еще правильнее в Бога верят. И потому, как гром с ясного неба был ей удар, когда сказал ей Антипушка, раз вернувшись из школы, что обещал ему новый учитель, Павел Александрович, дать хорошую книжку почитать про то, как началась

вселенная, где по научному все объясняено, а не как в Св. Писании.

Не поверила она.

“Да ты ослышалась должно, сынок, мыслимое ли это дело, чтобы наставник, да такую ересь говорил!”

Но Антип рассердился, сказал, что пускай она сама спросит Павла Александровича, а что он уже читал книжку одного ученого, графа, о том, что в церковь ходить не надо. Фотинья только руками всплеснула, повязала чистый платок на голову и потребовала, чтобы Антипушка немедленно свел ее к учителю. Антип испугался, начал было отговариваться, да Фотинья настояла на своем, и они пошли через всю деревню к ляде Прохору, у которого новый учитель снимал чистую половину.

Павел Александрович принял их ласково, сказал, что и сам искал случая познакомиться с матерью своего лучшего и способнейшего ученика, советовал послать его в город для продолжения учения и предлагал подготовить его для поступления в гимназию.

Фотинья слушала его молча, была она в большом волнении, но сдерживалась, только дышала глубоко и отрывисто, как будто долго и скоро шла в гору. Долго и пристально рассматривала она Павла Александровича, прямо впилась в него глазами и, не отвечая ни на один из его вопросов, дождавшись, когда он замолк, выжидала ее ответа, в упор спросила:

“Да ты, барин, в Бога-то веруешь?”

Речистый педагог смолк ошеломленный и, наконец, неуверенно забормотал что-то о том, что до известной степени допускает существование Высшего Существа, как олицетворение Добра, Красоты и Знания, и долго бы еще нес свою оклесницу, если бы Фотинья не остановила его повелительным жестом рук:

“А икон почему у тебя нет? А в церковь-то ты ходишь?”

Тут Павел Александрович пришел в себя и заявил, что церковь и иконы предрассудки и для интеллигентного человека без надобности.

“Да какой же ты тогда учитель, ты вроде язычника!”

Павел Александрович не обиделся, тихо улыбнулся, и подвел ее к пустой бревенчатой стене, на которой висела не то картина, не то портрет, и, указывая на него пальцем, сказал:

“Вот истинный учитель, заветы которого я передаю юношеству, в чем и есть долг каждого учителя”.

Фотинья перевела тот же пристальный взгляд на стену. Там был изображен человек, вроде мужика, в длиннополой рубахе, подпоясанной тонким ремешком, с длинной бородой клином; маленькие глазки смотрят зло и подозрительно исподлобья.

“Кто бы это такой был”, — вслух рассуждала Фотинья, — “по одежде вроде и мужик, да видать что нет...”

Про себя она еще подумала, что похож он на старобрядческого начетчика, который приезжал к ним в село несколько лет тому назад, спорил с батюшкой. Злой и упорный был человек и гордый как бес, даром что все лебезил да кланялся.

“То самый великий учитель всех времен”, — нудно как шмель над ухом гудел Павел Александрович.

“А какого он званья?” — быстро спросила Фотинья.

“Граф он”.

“Граф? Да какой же он граф, разве графы так одеваются, да и обличье у него не графское”.

“А между тем он все-таки граф”, — раздраженно заметил Павел Александрович.

“Чего же он тогда одет как ряженый, вроде как мужик?”

“Потому что он верил, что крестьянство — самое великое сословие, ну, хотел переменить свое званье”.

“Кто же так званье меняет? Званье меняют на высшее, а не на низшее, а коли он граф, то ему выше идти некуда и только одним путем мог он переменить званье!”

“Каким?” — с живым интересом спросил Павел Александрович.

“Разве ты и этого не знаешь? В духовные пойти”, — тихо ответила Фотинья, — “вот самое высшее званье, а монахи, так те даже ангельский чин имеют”.

И хотя долго еще говорил ей Павел Александрович трескучие слова о том, что в этом глубочайший подвиг смиренья, чтобы добровольно пойти к меньшим братьям, что и сам он потому пошел в сельскую школу, чтобы ближе стать к простому народу, что за

дача каждого образованного человека просвещать народ и открывать ему новые пути — Фотинья уже не слушала его, а только скривно смотрела куда-то вдаль, через окно.

И долго еще ходила она вечером по темной горнице, ломая руки и не зная, что решиться — взять ли Антишку совсем из школы, от соблазна, или послать в другую, в соседнее село. “А может там тоже такой... еретик сидит”, — думалось ей боязливо, — “из огня да в полымя...”

На утро пошла она за советом к отцу Пимену. Терпеливо выслушал ее батюшка, усмехнулся, когда узнал, как атtestовала простая баба заносчивого — с ним — учителя. И рассказал ей, что знал о новом учителе: что у начальства он на плохом счету — “выслан в административном порядке за революционную деятельность”.

“За какую?”

“За революционную — ну, против, значит, царя идет, хочет свергнуть монархию”, — терпеливо пояснил о. Пимен.

“И против царя, да как же начальство такое терпит?” — недоуменно-скорбно спросила Фотинья, — “что же мне теперь, стало быть, делать?”

“А ты погоди убиваться — я с ним поговорю, маленько пристращу его, чтобы он ересями-то своими не больше ребятам головы забивал, а не поможет — тогда пожалеем кому надо”.

На этом порешили.

Впрочем Павла Александровича вскоре арестовали — нашли у него книжки какие-то недозволенные, и Фотинья с облегчением вздохнула. Но не было у нее больше веры в науки и в наставников, поколебалось доверие к образованым людям, и не заговаривала она с сыном больше об учении.

А тут кончил Антишку ученье и заявил, что на селе не останется — хочет, де, в город, там, где настоящая жизнь, но не в школу, а на фабрику. Заплакала тут Фотинья горькими слезами и пожалела, что раньше не взяла сына из ученья; знала, что это учителя ему замутили голову.

По другому году кончил и Харитоша ученье и остался при матери, хоть и уговаривала его мать дальше учиться. Славно зажили они, не нарадуется Фотинья на меньшего своего — работник хоть куда, рассудительный не по годам, смиренный, во всем послушный. Жить бы им, да жить — ан, война началась, забрали Харитошу на войну, года его выходили, и по закону так пришлось, что старший сын на хозяйство оставлялся, а меньший на цареву службу шел.

Благословила его мать иконкой Николая Чудотворца, горсточку родной земли в паданку зашила, и пошел Харитоша на край земли, в неведомые страны царю верой-правдой служить. А Фотинья стала в церкви свечки потолице ставить, да подолгу на коленях молиться — о Харитоше, чтобы Бог его от внешнего врага уберег, и об Антишке — чтобы от внутреннего. А стояла Фотинья в церкви всегда у левого клироса; рядом, на коврике, стояла барыня Неонила Никандровна, жила в своем именице по соседству. И чудно так получилось, что попал Харитоша в полк к мужу барыни, сурьезный такой был военный, в полковничих чинах, грудь вся в орденах, а на левую ногу прихрамывает, японец покалечил.

Вместе они молились и по малу времени слышит Фотинья, что у барыни в поминании новое имя прибавилось, раб Божий Харитон. А после обедни помнила ее барыня в ограде пальчиком к себе и сказала:

“Поздравляю, милая. Твой-то сын герой, и дали ему крест, мне муж все отписал”, — и поцеловала ее в щеку.

Тепло стало на сердце у Фотиньи — видно правду говорят, что за царем служба не пропадает! Вскоре приехал Харитоша на побывку — возмужалый и в плечах пошире, а глаза все такие же — детские. Не долго пробыл, снова в путь собирается, надо возвращаться. И сказал он ей на прощанье одно слово:

“Не вернусь я, матушка, ты не убивайся, так, видно, Господь судил, и лучше меня люди умирали!” — С тем и уехал. А через месяц пришло письмо, от самого полковника — писал он, что умер Харитоша как герой — товарища из огня вынес, а самого ранило. Писал, что похоронили его со всеми воинскими почестями, как заправского героя, и батюшка отпевал, и крест поставили. Как христианин, писал, умер, причащался и соборовали его, все как полагает-ся.

Помутился тут белый свет у Фотиньи в глазах, думали, что не иначе, как руки на себя наложит несчастная. Приходила и барыня Неонила Никандровна, уговаривала ее не убиваться, да такое, знать, материнское дело: для того, чтобы носила дитятко, для того его берегла, лелеяла, чтобы злая пуля в далекой стороне свела его в мать-сыру землю?

Долго плакала Фотинья, долго убивалась, и все ей казалось, что двух сыновей она лишилась, что нет уже и Антишку в живых на свете: не было о нем ни слуху, ни духу, как в воду кануло...

И пришли такие времена, что поняла Фотинья — Божья-то милость к ней была, что взял Господь к себе Харитошу. Пошли по всей стране нестроения, брат на брата восстал, убивать стали людей, так, зря, чтобы наган разрядить. Грязные времена настали, страшные времена. И взволновала она тут Господа, что похоронили ее чадо любимое по христианскому обряду и крест на могиле поставили. А тут еще прошел слух, что в губернском городе, у красных, объявились во главе какой-то товарищ Антип. “Не твой ли сынок будет”, — спрашивали на деревне.

Не верила Фотинья, ну, разве он на такое пойдет, а сердце нет-нет и заносит, а вдруг вырваду он?

Потом пропал товарищ Антип и забыли о нем. Стала Фотинья стареть и так много горя кругом видела, что стала просить у Господа смерти. За грехи великие послал Господь на народ казнь гипнотическую — всенародный грабеж — коллективизацию. Обоих братьев Фотиньи с семьями арестовали и увезли неведомо куда, осталась при ней одна сиротка Матрешка, подобрала ее Фотинья в первый год после революции грудным ребенком, безродным подкидышем. Подросла Матрешка, стала в школу ходить, в комсомол ее записали, стала она заправской комсомолкой, но бабушку крепко любила и даже лампадку ей оправляла неумелыми комсомольскими руками. Давно уже отобрали у Фотиньи ее избу — в ней теперь помещался Сельсовет, и доживала она свой век в той самой хате, в которой и родилась, на краю села. Хотели и Фотинью выслать вместе с братьями, да вступился за нее председатель Сельсовета вихрастый Васька, вспомнил, как бывало, совала ему тетушка Фотинья кусок сладкого пирога или булку, когда он в былые годы забегал к Антипу, с которым был друг-приятель.

“Старуха без сомнения вредная, прямо-таки контрреволюционный элемент, а также замечена в религиозной пропаганде”, — наседал на него жidкий, весь в прышах, присланый из центра това-рища “Сема Грозный”, — “таких прямо давить, как вшей!”

“И вовсе безобидная, едва ноги волочит, какая там пропаганда! А окромя того у меня к ей агент приставлен — Матрешка, первая колхозная ударница”.

“Товарищ Матрена — элемент, действительно, надежный, и если под вахту, так сказать, коммунистическую бдительность, то пока старуху можно и оставить”, — неохотно сдался товарищ Грозный.

Ничего этого не знала Фотинья и неизвестно, обрадовалась ли бы она, если бы узнала — шли ее силы на убыль и не долго бы она протянула в тюрьме и ссылке. Одно только знала она крепко, что не даст ей Господь умереть без покаяния, потому что всю жизнь молилась она о христианской кончине. В мыслях перебирала все возможности, додумалась даже до того, чтобы отправить Матрешку в город, за священником, но сейчас же вспомнила, что не сможет священник отлучиться перед самым Праздником.

(Продолжение следует)
Л. Башкирова

ПОДПИСЫВАЙТЕСЬ НА ГАЗЕТУ
“НАША СТРАНА”

РЕДКИЙ СЛУЧАЙ

Продается большая партия русских книг, принадлежащих бывш. общ. библиотеке: беллетристика, мемуары, детские книги.

На складе огромный выбор книг, антиквариат.

Каталоги — по первому требованию

Адрес: Librairie “Slave”. 18, Rue de Roumanie. BELGIQUE.

REBELION EN POZNAN

(Continuación)

Parece indudable que aunque la huelga general de la ciudad estuvo bien preparada, los rebeldes no esperaban disponer de equipo militar. Su acción militar vino inesperadamente, y fue pobremente ejecutada. Los tanques, apoyados por civiles decididos y provistos del equipo entregado por los soldados voluntariamente, debieron ser más que bastantes para tomar el edificio de la UB. Pero muy pronto, los tanques quedaron inactivos y callados, y la refriega continuó sin ellos. Ambos lados sufrieron bajas. Las ambulancias corrían de una parte a otra de la ciudad. De las poblaciones cercanas acudían automóviles con enfermeras. Los amotinados disparaban contra el cuartel de la UB, desde la calle, desde la azotea del edificio de cinco pisos de la congestionada estación vecina y desde otras ventajosas posiciones.

Como a las 1.30, varios tanques grandes desembocaron estrepitosamente de una calle contigua. Otro inglés, un profesor de Oxford, los vio llegar. Según él, la muchedumbre los saludó con gritos de “Sois polacos?” Uno de los tripulantes de un tanque, erguido en su torrecilla, enlazó las manos sobre la cabeza y las agitó hacia adelante y hacia atrás en un gesto de simpatía. Estos tanques no dispararon contra la manifestación.

Ya avanzada la tarde aparecieron manadas de tanques del ejército rojo, cuyo número se calculó en más de 70, gigantes del modelo T 34 traídos del Oeste, esto es, de la frontera con la Alemania Oriental. Todo aquel día y el siguiente hubo testigos extranjeros que presenciaron cómo los artilleros desarmados charlaban amistosamente con los civiles. Vieron también algunos tanques sin dotación, abandonados en calles distantes del centro de la pelea. Sin embargo, las tropas traídas de fuera de Poznán cambiaron gradualmente el rumbo de los acontecimientos.

La estación de radio que los rebeldes habían ocupado se sostuvo contra las fuerzas del gobierno hasta el viernes por la tarde. La lucha cesó el sábado. En todos los puntos estratégicos de la ciudad se apostaron tanques, artillería antiaérea y fuerzas de infantería. Pero militares y civiles fraternizaban. Poznán se aquietó, mas quedaron para los comunistas y sus amigos de Moscú dudas inquietantes.

(Continuará)

Продолжается подписка на
ЕЖЕНЕДЕЛЬНУЮ ГАЗЕТУ

НАША СТРАНА

основанную И. Л. Солоневичем
под редакцией Вс. Дубровского

ЦЕНА ОТДЕЛЬНОГО НОМЕРА

Аргентина — 3 песо; САСШ — 30 ам. цент.; Канада — 30 кан. ц.; Бразилия — 6 cruz.; Венесуэла — 1 бол.; Уругвай — 40 ур. сент.; Парагвай — 8 гуар.; Чили — 25 чил. песо; Англия — 1 ш. 3 пенса; Франция — 60 фр. фр.; Бельгия — 10 бельг. фр.; Швейцария — 1 ш. франк; Германия — 75 pf.; Иран — 10 риал; Австралия — 1 ш. 6 пенс. австр.; Марокко — 60 фр.; Италия — 150 лир; Голландия — 0.65 гульден; Швеция — 1 ш. кр.

С ДОСТАВКОЙ ПО ВОЗДУШНОЙ
ПОЧТЕ

В САСШ и Канаде — 35 цент.; в Бразилии 8 cruz.; в Венесуэле — 1.25 бол.; в Парагвае — 10 гуар.; в Чили — 50 чил. песо; во Франции — 100 фр. фр.; в Германии — 1 нем. марка; в Голландии — 1 гульден.

В розничной продаже и при подписке — цена номера одинакова. Подписную плату настойчиво просим вносить не менее чем за .d. e. с. я. т. номеров вперед.

ПОДПИСКА

принимается Редакцией “Нашей Страны” и ее представителями на определенное количество порядковых номеров, или на срок на 6 или на 12 месяцев (подписная плата в этом случае равна соответственно стоимости 25-ти или 50-ти номеров).

НАША СТРАНА

ОРГАН МОНАРХИЧЕСКОЙ МЫСЛИ

NU ESTRO PAIS

Organo Monárquico Ruso

Casilla de Correo 2847
Buenos Aires
Argentina

ПРЕДСТАВИТЕЛИ

AMERICA DEL SUR:

Brasil: Leo Rubanov, Caixa postal 8496
Correio Central, São Paulo.
Chile: Sr. Nicolás Rogalev, Allende Pa-
dín 2128 (por Beaucheff altura 1706).
Santiago de Chile.

Venezuela: Sr. K. Kellner, Av. Sarria 24,
Quinta Coronato (Club Russo), Ca-
racas.

Paraguay: Sr. A. F. Lapchinsky, M.P.
O. C. Dirección General de Vialidad,
Alberdi esq. Gral. Díaz. Asunción.

U. S. A.

Mrs. M. S. Kingstone, 11 Wolfe ave.
San Rafael, Calif. USA.

Mr. A. Klushkin, 196 — 6-th Ave, Apt. B.
San Francisco 18, Calif.

Mr. M. Maltzeff, 1332 Lucille Ave, Los
Angeles 26, Calif.

The Russian National Book Store, 327 E.
14-th St. New York 3. N. Y.

Allies Book Shop, 3456, Broadway, New
York 31, N. Y.

CANADA

Mr. B. A. Romanovsky, 12036-90 Str.,
Edmonton, Alta.

Mr. A. Kostyria, 6 Argyle St., Toronto 3,
Ont.

Mr. André Alpatoff, 12337 Rue Dion
Cartierville (Montreal) P. Q.

“Derby Universal Book Agency”, P.O.B.
No. 27, Station “B”. Phone Jackson—
2-3927. Hamilton, Ontario

EUROPE

Belgique: Librairie et Bibliothèque Slave — 13, Rue de Roumanie, Bruxelles

France: Mr. A. Krivochieff, “Kama”
27, rue de Villiers, Neuilly s /Seine,
Seine.

Germany: Frau J. Seuberlich, Wolfsburg
Postfach 63.

Italia: Sr. Prof. B. Sciriaev, Cas. posta-
le 102, San Remo.

Greece: Mr. Filatoff, Rue Dedalou 26,
Athènes.

Norge: Mr. F. Dymsha, Möller gt.
42/III. Oslo. Norge

Holland: G. A. Kolf, Amsterdamche
Weg 96, Arnhem.

AUSTRALIA

Mr. Parker, 28 Queen Bess Str. Birk-
dale. Brisbane, Q.d.

Mr. P. Ostashkevich, 7 Whinham Str.,
Fitzroy, Adelaide.

Polyglot Book Depot, Post Office
Carrum, Melbourne, Vic.

Mr. M. M. Spassovsky, 8, Richmond Str.,
South Wentworthville, N.S.W.

ASIE

Iran: Leon Popoff, 273, Ave. Ferdousi,
Teheran.

В БУЭНОС-АИРЕСЕ

газета “НАША СТРАНА” и все КНИГИ